

22 ОКТ 1964

ИСКАТЬ. ВСЕГДА И НЕУСТААННО

временном спектакле. Другой пример. Идет спектакль «Авария» (постановка И. Таммура). Среди участников — Аксель Орав, Сильвия Лайдла. И вот эти прекрасные актеры играют положительных героев как-то с холодком, «вообще» произнося текст, ведя диалог с завидным покоем. Правда, отрицательные герои в этом спектакле исполняются с несколько более острой характерностью, но, по существу, тоже довольно бесстрастно. А ведь ситуация по накалу своему трагическая — авария на шахте!

Пожалуй, лишь герой Антса Лаутера (какая это радость, видеть старейшего актера снова на сцене!) интересен: здесь и раздумья, и сомнения, и моменты решений... Да, пьяница-малыш в исполнении Эрвина Абеля. Очень сочные и выразительные сцены у пивного ларька. Но... простите, они же тормозят действие, и, по существу, мешают развитию событий пьесы, посвященной совсем иному — перестройке работы на сланцевой шахте. Правда, было бы несправедливо в данном случае обращать упреки лишь театру. Пьеса Вальдо Панти, на мой взгляд, — произведение слабое...

В связи с этим встает еще один важный вопрос работы этого театра: драматургия, ее качество, ее значительность. Мне думается, не до конца продуманным репертуаром объясняется тот холодок, который веет порой со сцены, и то, что нет в иных спектаклях прежнего блеска постановочных решений, не ощущается сила сценических характеров. Театр имени Кингисеппа... Этот коллектив настолько своеобразен, так много неповторимого в его искусстве... И сегодня сила и молодость его творчества — в творческом поиске, в утверждении собственного творческого пути.

Никто не даст Театру имени Кингисеппа рецептов. Коллектив должен сам пролагать новые дороги в творчестве, чтобы по-новому заучало его искусство, чтобы волнение художественных открытий окрасило его новые спектакли, чтобы новые значительные произведения о современности, душевной красоте наших людей вошли в его репертуар. Да, искать. Всегда. И неустанно.

Т. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ.

зорко поглядывает на окружающих, все высматривая что-то, пастор Таавет (Вольдемар Алев)! Как прост и доверчив Аарне, роль которого исполняет Аксель Кюнгас!

Приятный, серьезный, а в отдельных сценах и по-человечески трогательный спектакль «Гуси». Не случаен его успех. Удачи всегда наступают этот театр, когда он обретает драматургию характеров, крупных и отчетливых, драматургию, которая дает ему возможность серьезно и просто говорить о жизни. Недаром творческая дружба коллектива с Раннетом принесла такие великолепные постановки, как «Влудный сын», «Совесть», «Враконьеры».

Театр имени Кингисеппа много и успешно работает над созданием своей драматургии. Он стал своего рода лабораторией эстонской пьесы. Важно и то, какие темы современности избирает он. Это всегда разговор о труде, о мечтах.

Честь и слава театру! Однако, думается мне, в его возможностях — еще более ярко, интересно, смело говорить о жизни нашей. К примеру, хороший, значительный спектакль по пьесе Раннета. Главную роль играет прелестная актриса Линда Руммо. Играет она очень приятно. И все же Линда Руммо... Смотришь на нее и встопычаешься, какие великолепные работы на счету актрисы. Виртуозно сыгранная Ева в брехтовском спектакле... Молчаливая, задумчивая Сольвейг. Насколько все это смелее, острее, чем правдивая, обаятельная (Руммо всегда обаятельна!), но по-человечески не очень яркая Силли.

Была у меня когда-то встреча с этой актрисой. Шел спектакль «Ореховая рожа». Спектакль слабый, со слабой, примитивной пьесой в основе. Одну из героинь играла Руммо, тогда еще совсем юная. Мягко, обаятельно, органично и... только. С тех пор прошло много театральных сезонов. Теперь-то я знаю, какие значительные сценические характеры умеет создавать эта актриса. И потому мне кажется, что Руммо не имеет права быть на сцене просто органичной, просто убедительной. Особенно в со-

отступающий перед дурным, обрел наконец силы и мужество и стал гражданином, историю, весело и остроумно рассказанную писателем Арди Лийвесом («Недаром пьеса эта сейчас готовится во многих театрах страны»), только так и можно было ставить? Может быть. Но нельзя забывать о давних художественных пристрастиях театра и об активной силе его актерских индивидуальностей. Они-то в данном случае и «подвели» режиссера.

Но ведь нельзя же театру, который свое искусство во многом посвящает нашим современникам, до окончания века селить своих героев в бревенчатые избы! Нет, конечно.

СПЕКТАКЛЬ «Гуси». Пьеса Эгона Раннета в постановке Ильмара Таммура несколько утратила в своей комедийности, ощутимой при чтении. Играется она более задумчиво и так сказать, с углублением в психологию героев, в их взаимоотношения. Все в соответствии с жизненной правдой. И тем не менее, когда, скажем, между складками полураскрынувшегося занавеса мы видим явно условно обозначенный косогор с одиноким верстовым столбом, и здесь ведут свою беседу Линда Руммо (она играет молоденькую героиню Силли) и Аксель Орав (ему поручено изображать положительного механизатора Отта), это не мешает поверить переживаниям их героев.

Дело не только в том, что здесь найдено сочетание актерской манеры, принципов, в которых поставлен спектакль, и материала драматургии. Дело во многом в самой драматургии.

Если рассказать коротко сюжет пьесы Раннета, он может показаться незамысловатым. Молоденькая девушка бежит из колхоза, где трудятся ее бывшие соученики по школе. А затем, полюбовав, возвращается. Но в этом характере, в образах людей, окружающих девушку, много правды, и хорошо, убедительно, просто играют актеры.

Как сочно, смело-комедийно играет Айно Тальви! Как коректен задумчивый милиционер в исполнении Эрвина Абеля! Как

ективно именно так и казалось.

Может быть, потому в свое время насторожила меня попытка талантливого Вольдемара Пансо поставить в этом театре «Господина Пунтилу и его слугу Матти» Врехта по законам несколько иного искусства. Разве в изящном лаконизме решений, пусть умных и тонких, но уже знакомых нам по творчеству других художников, разве в театре, который мы условно называем интеллектуальным, — сила и будущее данного коллектива?

Сейчас круглые облачка, на веревочках опускающиеся на театральный небосклон, облачка, впервые появившиеся в Театре имени Кингисеппа в этом брехтовском спектакле, — явление привычное. И, как всякое повторение, они уже не поражают. В них уже нет дерзкого и казавшегося неоправданным протеста против сочного традиционного реализма спектаклей «Варгамяе» А. Таммсааре, против лирических этюдов «На задворках» О. Лутса, против помпезности «Маскарада».

В спектакле «Венская почтовая марка» (режиссер Гуннар Кильгас), в целом приятном, актеры изображают своих героев с привычной увлеченностью, на которую они всегда были способны. Играют обычную бытовую комедию. Но живут (а не дань ли это уже несколько приевшейся моде?) эти сочные, бытовокомедийные герои в игрушечном, изящно нарисованном условном домике, среди нарисованных на фанерках деревьев и цветов... Прогибаются, трещат и гнутся все эти легонькие, веселенькие конструкции, когда на них своей уверенной поступью входит Айно Тальви, ставшая прекрасной бытовой комедийной актрисой, оказываются ненужными, когда свое обязательное мастерство начинают демонстрировать Юри Ярест, дрожат, когда несколько грубовато, но сочно начинает разговаривать Хельмут Вааг. Быт, убедительный и простой (а он, видно, все-таки ближе всего эстонским артистам), не соединяется с нарочито-стилизованным миром, придуманным художником Эдгаром Вальтером.

Может быть, эту забавную и трогательную историю о том, как робкий человек, всегда испуганно

тельным, к разговору о народе, о человеке, ведущемуся по большому счету, его любовь к актеру, умеющему играть, помогли расцвету целой плеяды исполнителей. Нет, не просто исполнителей...

Когда я впервые познакомился с коллективом, это было редкое созвездие индивидуальностей, объединение людей, истинно приверженных к искусству. Жизнь, воссоздавшаяся на подмостках этого театра, всегда была зримой, осязаемой, подлинной. Коллектив убежденно и страстно отстаивал реалистическое искусство. И это было важно. Не следует забывать, что эстонский театр прошел путь сложный, испытывавший самые различные влияния.

В некоторой внешней традиционности его спектаклей таились и сила, и молодость искусства. В той бескомпромиссной убежденности, с которой проводилась в театре единая художественная линия, была своеобразная смелость. Яркость красок в спектаклях говорила о молодости. Художническая изобретательность, порой оборачивавшаяся излишней пышностью или чрезмерным лаконизмом, словно рассыпавшаяся в мелочах или концентрировавшаяся в образах чуть ли не символических, — о чуждости нерастратченных талантов.

Здесь смачно смеялись в бытовой комедии выразительно вылепленные актерами народные персонажи... Но когда после бревенчатой избы, прочной, хорошей эстонской избы, в которой, верно, удобно жить героям, на сцене вырастали пальмы и громадный сфинкс протягивал к зрителям лапы, мы понимали, что это тот же театр, просто он раскрывает перед нами новую грань искусства, своего, того самого, что росло и крепло именно здесь. И в раскатах великолепного голоса одного из последних трагиков нашей сцены Каарела Карма была неповторимость романтического искусства. Была она и в тихих интонациях Антса Эскола, замечательного актера психологического направления.

Так богато было это искусство, что, казалось, не исчерпать его. Во всяком случае мне субъ-

ДВИЖЕНИЕМ стремительным и легким Пер Гюнт поднялся на скалу, закинул голову, словно увидев в небе что-то неожиданное, пальцем очертил контур облака — похоже на всадника — и прыгнул вниз, к домику матери своей Ове... Пер Гюнт — Антс Эскола? Тот самый! А та, стройная, что прошла быстрыми шагами в глубине сцены, та, с косами белыми и взглядом тихим — Сольвейг? Линда Руммо. Да, Линда Руммо... Как знакомо лицо Ингрид. Еще бы! Это же Сильвия Лайдла, великолепная Лиза-коровница из брехтовского «Господина Пунтилу и его слуги Матти», принцесса Эболи из «Дон Карлоса»... Вот вошла в избу Пер Гюнта соседка Кари, сутулая женщина с ясным круглым лицом и высоким лбом. Крошечная ролька. Всего несколько слов произносит актриса. Но это лицо, этот лоб, и голос, звучный, мягкий... В роли Кари выступила Айно Тальви, в свое время блистательная и царственная Клеопатра в шекспировской трагедии, затем трогательная и безгранично-достоверная женщина-крестьянка из национального спектакля «Варгамяе»... В другой небольшой роли — Яанус Оргулас, тот, что выпускником Московского театрального института с каким-то неуправляемым задором играл Тоотса в молодежном спектакле «Весна» О. Лутса и во главе банды ребят устраивал всяческие проказы на сцене Театра имени Кингисеппа.

«Пер Гюнт», поставленный Ильмаром Таммуром в ключе поэтическом, говорит о герое мятущемся, о характере на пути становления и о трагичности, пагубности компромиссов. Да, первый гастрольный спектакль принес москвичам радость новых встреч с искусством знакомым и прекрасным. И, как все лучшие спектакли этого театра, вновь напомнил об актерах, их судьбах. О великолепных актерах. О драгоценных судьбах.

...Эстонский театр вообще молод. Общая творческая судьба (в Театр имени Кингисеппа пришли художники с самыми разными творческими биографиями) объединила членов группы сравнительно недавно. И лишь немногим более десяти лет возглавляет театр сильный, смелый режиссер Ильмар Таммур. Его стремление к спектаклям значи-